

Вековая летопись Эндено (II)

— А что это за болезнь? Как именно она проявляется? — негромко спросил Ши Цзю.

Ему надоело каждый раз поворачиваться всем телом, чтобы сократить расстояние между ними, поэтому он просто пересел поближе. Теперь они сидели плечом к плечу, и юноша чувствовал едва уловимое тепло, исходящее от Чэнь Ая.

Куратор искоса взглянул на него, но не отодвинулся.

— Поначалу это была обычная инфекция, — буднично начал он. — На ранних стадиях она распространялась в основном через мясо и алкоголь, так что первыми под удар попали солдаты. Бактерии проникали в организм вместе с пищей и закреплялись на слизистой кишечника. Иммунная система, почуяв неладное, атаковала чужаков, но погибающие микробы выбрасывали огромное количество энтеротоксинов. Эти яды блокировали усвоение питательных веществ и провоцировали стремительное обезвоживание. Смерть наступала внезапно и очень быстро.

Ши Цзю затаил дыхание, едва сдерживая возглас.

— Это же холера! — выдохнул он. — В моем мире почти два века назад бушевала похожая эпидемия. Симптомы практически идентичны.

Болезнь поражала всю мышечную систему: судороги сводили голени, бедра и руки, превращая жизнь в непрерывную пытку, которую невозможно было терпеть даже лежа в постели. Но самым жутким было то, что даже после смерти мышцы продолжали содрогаться в яростных конвульсиях, словно тела превращались в зомби.

Чэнь Ай едва заметно кивнул.

— Это был лишь первый этап. Из-за массовой гибели солдат войны на долгое время прекратились, и зараза постепенно сошла на нет.

Ши Цзю уловил в его голосе тихий, едва слышный вздох.

— Краткий миг покоя лишь подготовил почву для новых сражений, — продолжил Чэнь Ай. — И тогда Болезнь мнимой подозрительности вернулась. На этот раз она ударила прямо по человеческой психике.

В этот момент на панорамном экране замелькали кадры, иллюстрирующие симптомы:

искаженные, туманные образы, в которых угадывались то призраки, то свирепые звери. Некоторые дети в зале в испуге застучали ногами по полу, пытаясь спрятаться под столы, но и там, на встроенных экранах, бесновались те же кошмары.

Это рождало то самое гнетущее чувство, которое испытывали люди в те годы, — бежать было некуда.

На экране вспыхнули поясняющие строки: «Болезнь мнимой подозрительности. Передается воздушно-капельным путем. Вызывает соматизацию панического расстройства. Характеризуется тотальным недоверием к окружающим, галлюцинациями и сомнением в реальности происходящего».

«Так вот оно что», — подумал Ши Цзю, вспоминая того безумного подростка, которого встретил в тюрьме.

— По сути, это было психическое расстройство, — голос Чэнь Ая звучал у самого уха юноши. — Большинство зараженных заканчивали жизнь самоубийством или погибали от рук таких же безумцев. Самое страшное заключалось в том, что болезнь превращала человека в одинокий остров. Но никто не может существовать в изоляции от чужой воли. Наша жизнь зависит не только от заботы близких, но и от плодов труда совершенно незнакомых людей. Ты ешь хлеб, зная, что в него не подмешали яд еще на этапе посева. Ты покупаешь товар, будучи уверенным, что в упаковке нет бомбы. Но те, кто был болен, лишались этой уверенности. Они боялись всего и во всем видели угрозу. В итоге они либо убивали себя в приступе невыносимого ужаса, либо забирали жизни других.

Ши Цзю вздрогнул. Он не мог понять, от чего по его коже побежали мурашки: от жуткого рассказа или от того, как близко находился Чэнь Ай.

— И этот недуг невозможно искоренить? — спросил юноша.

— До сих пор не найдены причины заражения, — ответил куратор. — Время от времени приходят сообщения о новых вспышках. От первых признаков тревоги до полного безумия проходит не больше месяца, и никто не знает, как и почему болезнь выбирает свою жертву.

Исконное недоверие и страх, которые могут проснуться в любой момент. Отсутствие причин, отсутствие предупреждений. Ши Цзю подумал, что это не столько вирус, сколько лакмусовая бумажка, вытянувшая на свет то, что всегда таилось в глубинах человеческой природы. А человеческую природу изменить невозможно.

— Что делают с теми, кто заразился?

— Современная медицина бессильна, — сухо отозвался Чэнь Ай. — Если повезет, на ранней стадии симптомы можно притушить, но при явных признаках безумия исход один. Смерть. Им либо помогают уйти, либо они справляются сами.

Диагноз «Болезнь мнимой подозрительности» фактически означал смертный приговор.

Ирония истории заключалась в том, что выжили в основном те, кто с самого начала доверился семьям Чэнь и Цзи. Их потомки, сплоченные общим делом, пытались разорвать порочный круг недоверия. Никто больше не хотел жить в хаосе, все стремились к миру, но никто не решался сделать первый шаг, боясь, что противник не сложит оружие в ответ.

Музыка в зале наконец стихла, какофония сменилась мягкими, обволакивающими звуками.

На экране появилось лицо Цзи Юйсюэ и краткое описание её жизни.

«Цзи Юйсюэ: ученый, специалист в области синтетической биологии. Сферы деятельности: биокомпьютеры, мультидиагностика, редактирование генома, живая терапия. Способность: материальная прозрачность. Её последний, незавершенный проект: создание искусственной наносреды, управляемой биомеханическими сигналами, для инкапсуляции почек».

В эпоху тотального подозрения Цзи Юйсюэ, используя свою уникальную способность и научные достижения, создала технологию прозрачности мышления — инструмент для прямого обмена сознанием. Она ставила опыты на себе, на членах семей Цзи и Чэнь, и в конце концов добилась успеха. Люди, измученные страхом, один за другим соглашались на этот эксперимент.

Так родился Закон о происхождении видов.

Чэнь Ай едва заметным кивком указал на экран.

— Так появилась лаборатория «Исток».

Когда люди научились слышать мысли друг друга, наступил конец вековой смуте.

На экране высветились строки: «С прекращением войн и переходом от вербального общения к осознанному Вавилонская башня рухнула. Уцелевшие государства начали объединяться, стирая границы между культурами и языками. Эту эпоху назвали Веком Великого слияния».

Институт государственного лидерства утратил смысл. Гражданам больше не нужны были правители в старом понимании этого слова. Так появился Закон о властителях.

Прошлое стало историей, настоящее формировало будущее.

Когда музыка начала затихать, на экране появилась финальная фраза: «В летописи времен добро само по себе является наградой, а зло — карой».

Свет в зале вспыхнул, и помещение мгновенно наполнилось гулом сотен голосов.

Ши Цзю тяжело выдохнул, чувствуя себя так, словно сам прожил эти сто лет великого взлета и падения. Он посмотрел на Чэнь Ая, и в его взгляде читалась целая гамма невыразимых чувств.

Дети вокруг возбужденно обсуждали увиденное, создавая невероятный шум. Вдруг какой-то ребенок из переднего ряда поднял руку:

— Учитель! А где сейчас те две семьи, которые всем помогли? Где они?

Ши Цзю покосился на спутника, подумав: «Обернись, малыш, один из них сидит прямо здесь».

Женщина у экрана ласково ответила в микрофон:

— После принятия Закона о властителях первой, кто занял этот пост, была госпожа Цзи Юйсюэ. С тех пор род Цзи неизменно несет бремя власти. Однако членов этой семьи так много, и они задействованы в стольких сферах, что сейчас уже невозможно определить, кто принадлежит к прямой ветви госпожи Цзи. Большинство тех, кого мы видим сегодня, — лишь однофамильцы или очень дальние родственники.

Ши Цзю внезапно осенило, и он шепнул Чэнь Аю:

— Постой, а Цзи Шуйфэн и Цзи Шаньюэ?..

Чэнь Ай, предугадав вопрос, усмехнулся:

— Тебе не повезло. Они как раз из той части, что не имеет к историческому роду никакого отношения. Просто общая фамилия.

— Вот оно как... — протянул Ши Цзю.

Тем временем наставница продолжала:

— Властителей у нас двое. Вторым должен был стать господин Чэнь Чугуан, чей вклад в спасение мира был не меньше, чем у госпожи Цзи. Народ просил их править совместно, но когда воцарился мир, он счел, что сама должность властителя — излишество. Господин Чэнь отказался от власти и увел всю свою семью в тень.

Она сделала небольшую паузу.

— Граждане в те времена еще не привыкли жить без вождей. Человек, который нашел в себе

силы отвернуться от абсолютной власти, заслуживает звания святого. Последующее столетие семья Чэнь посвятила исключительно благотворительности. И по сей день они помогают приютам, домам престарелых и церквям — везде, где нужна помощь. Наша цивилизация держится на их проектах. Благодаря их преданности Учению Даоци вера распространилась по всему Эндено. Род Чэнь ведет крайне замкнутый образ жизни, у них нет боковых ветвей, поэтому их легко узнать. Их отличительная черта — глаза глубокого синего цвета. Если когда-нибудь встретите такого человека — обязательно поклонитесь ему.

— Хорошо! — хором отозвались дети.

Ши Цзю замер. Он и раньше замечал, что Чэнь Ай — единственный в его окружении, у кого такой необычный цвет глаз, но никогда не задумывался о причинах. Это был клеймо истории.

Теперь юноша понял, откуда бралось это странное почтение в глазах прохожих. И стало ясно, почему окружающие так странно реагировали, когда он называл куратора «голубоглазым типом».

Ши Цзю обернулся и увидел, что Чэнь Ай низко опустил голову.

— Ты чего? — шепнул он.

— Не умею общаться с детьми, — так же тихо ответил тот.

— ...

В этот момент Чэнь Ай показался Ши Цзю на удивление... милым?

Голограммы на стенах и полу окончательно погасли, вернув залу его прежний вид. Лишь на главном экране еще сменялись кадры. Наставница подвела итог:

— С тех пор люди учатся доверять друг другу. Обмен сознанием стал в этом лучшим подспорьем. Мы поняли, что любовь — единственная сила, обладающая безграничной созидательной мощью. Она способна преодолеть любые преграды и даже законы физики. Сохраняя любовь к себе, к ближнему и ко всему сущему, мы продолжаем свой духовный путь вверх.

Она улыбнулась притихшим детям.

— Эту веру всегда проповедовал Чэнь Чугуан. Если вы гуляли по Площади Центра цивилизации, то наверняка видели надпись на стеле: «Любовь — это ответ на всё». Эти слова принадлежат ему. Они стали опорой для нашего народа на долгие годы.

Вдруг Чэнь Ай слегка коснулся плеча Ши Цзю. Он поднялся, стараясь не привлекать внимания.

— Я возвращаюсь в лабораторию, есть дела, — бросил он, пригнувшись.

— А... — Ши Цзю растерянно кивнул.

Чэнь Ай, полуприкрыв глаза, быстро зашагал вдоль стены, пробираясь сквозь толпу школьников, и скрылся за дверью.

Юноша интуитивно почувствовал: никаких срочных дел у куратора нет. Он просто сбежал, боясь, что после урока дети заметят его и окружают.

Трудно было представить Чэнь Ая, осажденного толпой восторженных малышей. Но Ши Цзю почему-то очень захотелось на это посмотреть.

Когда лекция закончилась и все начали расходиться, к Ши Цзю подошла та самая женщина-библиотекарь. На этот раз её тон был совершенно иным.

— Простите меня, сударь, — мягко произнесла она.

Ши Цзю остановился.

— Я вовсе не хотела обидеть вас в прошлый раз. Мне просто показалось возмутительным, что кто-то может прикрываться именем господина Чэнь. Но увидев вас вместе... Простите мою предвзятость. Вы ведь еще не совершеннолетний? Друг господина Чэнь наверняка и сам прекрасный человек.

Её извинения звучали искренне и тепло. Ши Цзю лишь слегка качнул головой:

— Пустое. Я и сам повел себя слишком резко.

В библиотеке всегда было многолюдно. В одном из крыльев первого этажа располагался отдел теологии. Полки здесь ломились от трудов разных эпох, но больше всего книг было посвящено Учению Даоци, о котором говорил Чэнь Ай. Здесь же ежедневно проводились небольшие дискуссии для всех желающих. Чтобы лучше понять этот мир, Ши Цзю провел в этом отделе немало времени.

Поначалу он ожидал встретить типичную религию с одним или несколькими божествами, но вскоре понял, что Даоци — это нечто иное.

Это была вера в Небесный Путь — Дао. Она учила людей триединству: доверию, вере и убежденности. Доверию к суду Небес. Небесный Путь не судит категориями человеческой морали; он взирает на истоки намерений, следуя закону причин и следствий. Это учение помогало отделять истинное от ложного, прямое от кривого.

Историю можно было изучать бесконечно, но нельзя было забывать о приказе Чэнь Ая. Каждый раз, когда Ши Цзю появлялся в мире снов, куратор молча окидывал его взглядом, который неизменно задерживался на шее юноши.

Чэнь Ай ничего не говорил, но в его глазах Ши Цзю отчетливо читал вопрос: «Когда будет исполнен мой приказ?»

Странно. Куратор прекрасно знал, что в Эндено нет такого инструмента, как виолончель, но всё равно требовал исполнения. Ши Цзю никак не мог разгадать его замысел.

Что ж, если виолончели нет, придется её создать — или нечто очень на неё похожее. Рано или поздно он заставит Чэнь Ая заговорить начистоту.

<http://bllate.org/book/16109/1584841>